

Г. А. Некрасова (Сыктывкар)

**Семантико-синтаксические функции датива
в пермских языках**

В современном финно-угроведении объектом сравнительно-типологических исследований является преимущественно морфологический уровень. Однако сравнение отдельных маркеров недостаточно для выявления их специфики, установления типологического характера развития или же генетической связи. Представляется, что план материального выражения в типологии образует лишь область варьирования средств выражения, тогда как план содержания предполагает возможность функционально-типологического сопоставления. Необходимость одновременного учета материального и содержательного сторон языкового элемента более ясно проступает при сопоставлении формально идентичных гомогенных маркеров, имеющих одинаковую примарную функцию для установления их дальнейшего функционального развития.

Объектом данного исследования является датив пермских языков. Сопоставление будет ограничиваться дативами удмуртского и коми-зырянского языков. Данные коми-пермяцкого языка будут использоваться лишь в случае его функциональных отличий от коми-зырянского языка.

Фактический материал исследования извлекался в основном из описательных грамматик, диалектных монографий, а также специальных работ, посвященных теоретическому рассмотрению категории падежа, в случае коми-зырянского языка использован также материал оригинальной художественной литературы. Поэтому полученные результаты имеют прямую зависимость от степени изученности семантики датива в сопоставляемых языках и в некоторых случаях носят характер предварительных заключений.

В современных пермских языках датив отличается полифункциональностью. Значения, составляющие его семантическую структуру в синхронии, являются вторичными. Первичное локальное значение, характеризующееся выражением аллативных отношений, проявляется спорадически в диалектах [Некрасова 1987]. На основе функционального датива коми и удмуртского языков в их семантической структуре можно выделить два типа функций:

1) общепермские, т.е. семантико-синтаксические функции, реализуемые дативом коми и удмуртского языков в синхронии (общепермские в синхронии) и в диахронии (общепермские в диахронии), т.е. функции, которые в одном из языков датив реализует только в диалектах, в памятниках письменности или же в сфере наречий, послелогов;

2) собственно языковые, или индивидуально пермские:

а) функции, встречающиеся в одном из пермских языков;

б) функции, встречающиеся в одном или группе диалектов одного из пермских языков.

Общепермские семантико-синтаксические функции.

1. Объект направленного действия, адресат "давания". Содержит указание на адресат предоставления предмета, передачи качеств, свойств, сообщения и др. в ситуациях "давания", которые предполагают активный субъект "давания", объект предоставления (или передачи) и адресат. Значение реализуется при переходных глаголах в двойном сильном управлении, при непереходных глаголах объект включен в значение глагола. Объектом передачи могут быть как конкретные, так и отвлеченные предметы, в функции адресата выступают в основном одушевленные существительные, реже неодушевленные. Указанная функция проявляется в позиции при глаголах со значением передачи конкретных и отвлеченных предметов, передачи словесного сообщения, мимических и других знаков: кз. *сетны*, удм. *сётыны* 'дать', кз. *вузавны*, удм. *вузаны* 'продать', кз. *висьтавыны*, удм. *вераны* 'сказать', кз. *довкнитны* 'кивнуть', *нюмъявыны* 'улыбаться' и т.п. Например, кз. *А дзоридзь-яссё кодлы сета? Учительница, да?* (Куратова 73) 'А цветы кому отдам? Учительнице, да?', кз. *чойлы письмо мёддодны*, удм. *сузэрлы гожтэт ыстыны* 'послать сестре письмо', кз. *мамлы сетны дзоридз*, удм. *анайлы сяська сётыны* 'дать матери цветы'.

Сюда же относим употребление датива при словах приветствия, пожелания, благодарности, например: кз. *нянь да сов тiян-*

лы 'хлеб да соль вам', кз. *ыджыд аттьö тiянылы*, удм. *бадžым тау тiйледлы* 'большое спасибо вам'.

2. Адресат зрительного показа предмета. Реализуется при глаголах кз. *петкöдлыны* 'показать', *мыччöдны* 'показать, выставить на вид', удм. *возьматыны* 'показать, продемонстрировать'. Например, кз. *висьысьöс петкöдлыны врачлы*, удм. *висисез врачлы* *возьматыны* 'показать больного врачу', кз. *челядь моз быдтор вылö индiс, петкöдлiс Митрейлы Прокопей...* (Юхнин 1983: 119) '... как ребенку все показывал Митрею Прокопий'.

3. Объект назначения. Содержит указание на лицо (в удмуртском языке также предмет), которому предназначается предмет. Значение реализуется при глаголах конкретного действия: кз. *пуны*, удм. *пöзтыны* 'варить, сварить', кз. *ньöбны*, удм. *басьтыны* 'купить', кз. *сины* 'посвятить' и т. п. Например, кз. *босьтны челядылы чачаяс*, удм. *пинальёслы шудоньёс басьтыны* 'купить детям игрушки', кз. *дасьтыны скöтлы кöрым*, удм. *пудолы сиён дасяны* 'заготовить корм для скота', а также при отглагольных и неотглагольных именах: кз. *челядылы книга*, удм. *пинальёслы книга* 'книга для детей'.

В удмуртском языке датив проявляет также значение предназначения одного предмета другому предмету, что в коми языке реализуется послеложной конструкцией с *вылö* 'на'. Ср. удм. *пальтолы материал* (РУС, 470), кз. *пальто вылö материал* 'материал на пальто', удм. *материаллэн вань кылемез костюмлы мынiз* (РУС, 1155), кз. *материаллöн став колясыз мунiс костюм вылö* 'весь остаток материи ушел на костюм'.

Следует отметить, что послелог *вылö* в коми языке может употребляться также при дативной словоформе: скр. *Тэныд вылö ньöбби* 'Я купил [что-то] для тебя' (ПСД, 116). Сочетание двух способов выражения отношений предназначенности служит для усиления, особого подчеркивания данного значения, а в некоторых конструкциях для разграничения генетически связанных значений адресованности и предназначенности. Например, в предложении кз. *Кодi пö Ляпинас ветлас, аслыс вылö [а] сылы [б] няньсö вичмöдыштам жö ...* (Юшков 1981: 98) 'Кто, мол, съездит в Ляпино, то ему выделим хлеб и для себя ...', первая дативная словоформа [а] употреблена в значении предназначенности, вторая [б] – в значении адресата, но если бы не было послелога при первой словоформе, то обе словоформы реализовали бы адресатное

значение: кз. *аслыс сылы* 'ему самому'. В грамматической системе коми языка послелог *вылӧ* 'для' и датив предназначенности находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Основная сфера употребления послелога – неодушевленные существительные с преобладанием отглагольных: кз. *Садь юрӧн ньӧблӧ тӧнды сетӧм вылӧ* (Юхнин 1955: 42). 'Трезвым покупал для того, чтобы отдать тебе'. Т. И. Прокушева [1981: 16] отмечает случаи использования данного послелога с инфинитивом в разговорном языке: скр. *Куканьсӧ начкисны сӕйны вылӧ* Шош. 'Теленка забили для потребления (на еду), т. е. букв. для того, чтобы есть'. Такая избирательность послелога объясняется тем, что отглагольные имена и инфинитив могут иметь при себе зависимые слова в форме датива. Поэтому для конкретизации смысла необходимо было возникновение другого грамматического средства, которым и явился послелог *вылӧ*.

4. Объект соприкосновения. Содержит указание на лицо (в удмуртском языке также предмет), к поверхности которого присоединяется, соприкасается другой предмет. Значение реализуется при глаголах кз. *сибдыны* 'прилипнуть', *кӧласьны* 'пристать', *лемасьны*, *ляскысьны* 'приклеиться'. Например, кз. *А сылӧн полӧмыс и энӧ сюзьлы инмӧ, кӧть выльлаӧ овмӧдчы тадзи майша-сьӧм дорысь* (Юшков 1981: 6). 'А его страх задевает и самку-сову, хоть переселись на новое место, чем так беспокоиться...'

В удмуртском языке значение объекта соприкосновения проявляют также дативные формы неодушевленных существительных, тогда как в коми языке неодушевленные существительные требуют в данной позиции иллатива. Ср. удм. *пальтолы ошет вурыны* (УРС, 324), кз. *пальтоӧ вурны вешалка* 'пришить вешалку к пальто'.

5. Объект сопоставления. Содержит указание на лицо [предмет], по отношению к которому констатируется соответствие, сходство, согласованность/несоответствие, несходство другого предмета, признака, действия. Значение реализуется:

а) при глаголах кз. *лӧсавны* 'идти, подходить к лицу', *туйны* '[при]годиться', *мунны* 'идти, подходить к лицу', удм. *тупаны* 'подходить, быть похожим' и т. п. Например, кз. *сылы мунӧ тайӧ рӧмыс* 'ему идет эта расцветка', удм. *пиез атаезлы тупа* (ср. кз. *тыис мунӧ батӧ вылас*) 'сын похож на отца'.

б) в конструкциях с предикативными существительными, прилагательными, наречиями, выражающими отношения адек-

ватности/неадекватности, например, кз. *сьёлъмлы матын*, удм. *сюлэмлы матын* (РУС, 55) 'близкий к сердцу', кз. *сийō тэныд абу пōв*, удм. *со тыныд пара овол* (РУС, 657) 'он тебе не пара'.

6. Адресат содействия/противодействия. Содержит указание на лицо, в интересах которого, в пользу или во вред которому совершается действие. Значение реализуются при глаголах кз. *отсавны*, удм. *юрттыны* 'помогать', кз. *торкны* 'испортить, помешать', *мешайтны* 'мешать' и т. п. Например, кз. *отсавны ёртлы*, удм. *юрттыны эшлы* 'помочь другу', кз. *эн мешайтō меным уджавны*, удм. *эн люкетэ мыным ужаны* 'не мешайте мне работать', кз. *Сандрō Петыр отсаліс Мишкалы őшиньяс тупкавын* (Пыстин 15) 'Сандра Петыр помог Мишке закрывать окна'.

Данное значение проявляется также в конструкциях с послелогами кз. *паныд*, *воча*, удм. *пумит* 'против, напротив', например, кз. *тōвлы паныд*, удм. *тōллы пумит* 'против ветра', кз. *шуны сылы паныд*, удм. *солы пумит вераны* 'возразить ему'.

7. Объект отношения. Содержит указание на лицо [предмет], на которое направлена психологическая реакция субъекта, отражающая его отношение к предмету. Данное значение является модификацией значения адресата, проявляется при непереходных глаголах кз. *радлыны*, удм. *шумпотыны* 'радоваться', кз. *шензьыны*, удм. *паймыны* 'удивляться', кз. *эскыны*, удм. *оскыны*, например, кз. *эскыны велōдысылы*, удм. *дышетйсылы оскыны* 'верить учителю'; кз. *биторлы радлыштō туйвывса мудзōм морт...* (Юхнин 1955: 145) 'огоньку радуется уставший путник...', удм. *бен учкы али котыр, быдэс дунне сайка ук, тулыслы шумпотэ* 'да посмотри же кругом, вся природа пробуждается, радуется весне' (ГСУЯ, 98).

Сюда же относим употребление датива в конструкциях с безлично-предикативными словами кз. *рад* 'рад', *нерад* 'нерад': *Миянлы радōсь лоаннын* (Юхнин 1955: 78). 'Нам рады будете', *Шуи тадзтō и нерад лои шуōмыслы* (Торопов 1982: 28). 'Сказал я так и не рад стал сказанному'.

Присубстантивная позиция характеризуется отглагольными именами: кз. *Николай Иванович бура тōдō вōлōстнōй да уезднōй властьяслысь сылы эскытōмсō...* (Юхнин 1955: 69) 'Николай Иванович хорошо знает недоверие к нему волостных и уездных властей'.

8. Субъект восприятия. Содержит указание на лицо, воспринимающее умственные или чувственные воображения, представления. Значение реализуется при глаголах с общей схемой вос-

приятия кз. *тыдавыны* 'виднеться', удм. *кылйськыны* 'послышаться, чувствовать', кз. *чудитчыны* 'чудиться', а также при устойчивых словосочетаниях типа кз. *тöд вылас усьны* [лыктыны] 'вспомниться, прийти на память', кз. *син улö усьны*, удм. *синме йöтыны* 'броситься в глаза' и т.п. Например, кз. *сылы кылйс игöдчöм шы*, удм. *йыгаськем куара кылйськиз солы* 'ему послышался стук', кз. ... *Питирымлы öнй сьлөн сöдзён овлысь чужсöмыс кажитчис жар лунö нетшыштöм, лёсмуном дзоридз кодьон* (Торопов 1976: 59). '... Питириму теперь ее всегда чистое лицо казалось увядшим цветком, сорванным в жаркий день'.

9. Субъект отношения. Содержит указание на лицо, получающее или имеющее то или иное впечатление, мнение, оценку, состояние от восприятия предмета, соприкосновения с предметом. Значение проявляется в позиции:

а) при глаголах кз. *сленитчыны*, *кажитчыны* 'понравиться', *мусмыны* 'понравиться, полюбить', *туйны*, *шогмыны* 'годиться', удм. *яраны* 'понравиться, годиться, пригодиться', *кельшыны* 'нравиться, понравиться', например, кз. *кажитчыны мамöлы*, удм. *нэнэлы кельшыны* 'нравиться матери', кз. *сьыланкыв меным кажитчис*, удм. *мыным кырзан яраз* 'мне песня понравилась', кз. *А нöшта меным ёна мусмис тэнад мамыд, Палаш пöч... – синъяссö читкырталігтыр виччысьтöг шуис Райда* (Торопов 1976: 93). 'А еще очень понравилась мне твоя мать, бабушка Палаш... – прищуривая глаза, неожиданно сказала Райда', удм. *Колялэн зйбыт сямыз, ужез яратэмез яра Онись кенаклы* 'Тете Анисье нравится скромное поведение Коли, его любовь к труду' [Перевощиков 1980: 45];

б) при определенной семантической группе прилагательных и причастий, выступающих в роли определения или предикатива, например, кз. *пырис ставлы тöдса нывбаба*, удм. *пыриз ваньмызлы тодмо кышномурт* 'вошла всем знакомая женщина', кз. *мортлы и зверь-пöткалы ёна муса сійö...* (Торопов 1982: 98) 'Человеку и лесным зверям и птицам он очень мил...'

10. Демиактивное лицо. Содержит указание на лицо, состояние или действие которого представляется как вызванное внешними обстоятельствами, влиянием извне. Можно выделить несколько разновидностей данного значения:

10.1. Субъект дебитивного действия. Обозначает лицо, которое должно совершить действие или же нуждается в каком-то предмете, действии. Значение реализуется:

а) при глаголах модальной направленности со значением долженствования, необходимости: кз. *ковны, ковмыны* 'надо, нужно, необходимо', кз. *лоны* 'придется', кз. *быть* 'обязательно, неизбежно, неминуемо', удм. *кулэ* 'надо, нужно, необходимо'. Например, кз. *Мый ёщö зонмыдлы колö?* (Куратова 82) 'Что еще парню надо?', *Мир туйлön тайö юкön вöсна Тималы лои ёна жуглыны юрсö* (П. гор. Парма 160) 'За этот участок дороги Тиме пришлось немало поломать голову'; удм. *солы эмъяськыны кулэ* 'ему надо лечиться' (РСУ, 481), *Одйг цехын ужамен, Володялы мастерен котькуд нуналэ олокöня пол тумиськылоно луэ* 'Работая в одном цехе, Володе приходится встречаться ежедневно с мастером по нескольку раз' (ГСУЯ, 99);

б) в инфинитивных предложениях со значением долженствования, необходимости. Например, кз. *Тэныд, пöжалуй, нинöмла тöдны ассьыд вынтö* (Юхнин 1955: 21) 'Тебе, пожалуй, незачем знать свою силу'. Сюда же включаем употребление датива в некоторых других типах инфинитивных предложений, а именно: а) сомнения, предположения: кз. *Мый мем вöчны öнi?* (Юхнин 1955: 14) 'Что мне теперь делать?'; кз. *Илья эз тöд, мый сылы керны и мый шуны* (Юхнин 1955: 21) 'Илья не знал, что ему делать и что сказать'. При взаимодействии контекста, интонации, а также иногда наличия вопросительной частицы на значение дебитивного действия накладывается оттенок сомнения; б) в формах повелительных наклонений, выражающих приказание, просьбу, совет совершить действие, которое с точки зрения говорящего является необходимым, должно совершиться: кз. ... *ми öбед лöсьöдам, а тiянлы ставсö сёйны-юны...* (Коми м. 49) 'Мы обед приготовим, а вам все съесть-выпить...'; в) при словах временной характеристики типа кз. *кад* 'время', *пöра* 'пора', выступающих в сочетании с инфинитивом, или без него в роли предикатива. Например, кз. ... *кад нин поводдялы вежсьыны. Кад нин усьны лымлы* (Юхнин 1955: 120) '... уже пора погоде перемениться. Пора уже выпасть снегу'; *Но, – шуас, – любезной кöзяин, пöра нин тэныд гортö* (Коми м. 84) 'Ну, – говорит, – любезный хозяин, пора уже тебе домой'; г) в удмуртском языке при безличных глаголах долженствования с окончанием на *-но, -оно* [-ёно], выражающих неперенную необходимость действия, например, *Танялы ваньмаз вутсконо, ваньзэ лыдэ басьтоно* 'Тане всюду надо поспеть, все учесть' (ГСУЯ, 99).

10.2. Субъект потенциального действия. Содержит указание на лицо, которое является носителем, исполнителем потенциального действия, обусловленного объективными внешними условиями. Значение реализуется:

а) при глаголе модальной характеристики кз. *позьны* 'можно, быть возможным', удм. *луыны* 'мочь'. Например, *Миянлы тані дыр овны оз позь* (Юхнин 1955: 169). 'Нам здесь долго жить нельзя'. В сочетании с инфинитивом указанную модальность могут реализовать также глаголы кз. *шогмыны* 'годиться, можно', *лӧсявны* 'годиться, подходить', *удайтчыны*, удм. *удалтыны* 'удаваться, быть удачным', кз. *сюрны*, *сюрлыны* 'попасть', удм. *яраны* 'годиться, подойти'. Например, кз. *сійӧ тӱянлы удайтчис*, удм. *со тӱледлы удалтӱз* 'это вам удалось', кз. *висысылы оз позь на чеччыны*, удм. *висисылы султыны уг яра на* 'больному еще нельзя вставать';

б) в инфинитивных конструкциях с потенциальной модальностью. Например, кз. *Он-ӧ вермӧ висытавны, кыдзи меным колхозӧ пырны* (Юхнин 1983: 124). 'Не сможете ли вы сказать, как мне [можно] вступить в колхоз'; *Кӧма йӧзлы не пырны. Сӧмын кӧмтӧм кокаяслы* (Юхнин 1955: 8). 'Обутым нельзя войти. Только [можно] босоногим'. Сюда же включаем датив субъекта инфинитивных предложений, в структуру которых входят наречия кз. *некӧн* 'негде', *некытчӧ* 'некуда', *некытысь* 'неоткуда', *некор* 'некогда', *нинӧмла* 'незачем' и местоимение *нинӧм* 'ничего', которые отрицают возможность осуществления действия из-за отсутствия места, времени, цели, причины или объекта действия. Например: *Вералы воштысьны некытчӧ* (Юхнин 1955: 56). 'Вере деваться некуда'; *Сар нывалы вӧчны нинӧм* (Коми м. 50). 'Царской дочери делать нечего';

в) при деепричастиях меры и степени действия, образованных с помощью суффикса кз. *-мӧн*, удм. *-мон*: ... *ковмис босьтны чер да увтӱыс керавны пыжлы тӧрмӧн розь* (Торопов 1982: 90). '... пришлось взять топор и подрубить снизу дыру, чтоб смогла пройти лодка', ... *а вежӧрыс сӧмын курӧглы кокыштмӧн* (Юхнин 1955: 36). '... а ума-то столько, сколько может курица клонуть', удм. *Та жӱужыт вырйылысен быдэс страналы, вань калыкы кылымон, ас шумпотонэз сярэсь верасал вал со* 'С этого высокого холма о своей радости она сказала бы так [громко], что всей стране, всему народу было бы слышно' (ГСУЯ, 99).

10.3. Субъект непроизвольного состояния, действия. Значение реализуется:

а) в коми языке при пассивно-возвратных глаголах с суффиксом *-сь*, выражающих непроизвольные, неуправляемые действия, совершающиеся вопреки воле и желанию субъекта. Например: *Ок и уджавсьё том мортыдлы татшём лунад!* (ВК, 1983: 8: 21) 'Ох и работается молодому человеку в такой день!'. *А Иль-ялы прѹстѹ эз эскыссьы, мый докторла муніс буретш Вера* (Юхнин 1955: 150) 'А Илье просто не верилось, что за доктором поехала именно Вера';

б) при глаголах типа кз. *сюрны*, удм. *сюрыны* 'попасться, попасть, найтись, отыскаться', кз. *шедны*, удм. *шедьыны* 'попасть, попасться', кз. *воны*, удм. *вуыны* 'повстречаться, попасть', кз. *паныдасьны*, удм. *пумиськыны* 'повстречаться' и т. п. Например: кз. *Сэсся энъякыд меным шань веськаліс* (Юшков 1979: 13). 'Потом свекровь мне добрая досталась', *Сек не сѹмын няньыс, но и став вѹлыс миянлы сюрѹ* (Пыстин 19). 'Тогда не только хлеб, но и все кони нам достанутся', удм. *Сюрес вылын мыным нокин ѳз пумиськы* 'По пути мне никто не встретился' (РУС, 769);

в) в безличных предложениях с безлично-предикативными словами, обозначающими внутреннее и внешнее состояние: кз. *гажа*, удм. *шулдыр* 'весело', кз. *кокни*, удм. *каньыл* 'легко', кз. *шог*, удм. *жѹож* 'печально, грустно', кз. *кѹдыд*, удм. *кезьыт* 'холодно', кз. *шоньыд*, удм. *шуньыт* 'тепло', кз. *сылы зэв сьѹкыд*, удм. *солы туж секыт* 'ему очень тяжело', кз. *Мишалы лои жар, меным – кѹдыд*, удм. *Мишалы пѹсь луиз, мыным – кезьыт* 'Мише стало жарко, мне – холодно'.

11. Заинтересованное лицо. Представляет собой датив с ослабленным значением адресата предназначения, используется для подчеркивания личной заинтересованности субъекта в осуществлении действия. Значение проявляется на уровне предложения, функционально сближаясь к вводным словам. Например, кз. *Вот тэныд и Воркута, вот тэныд и кѹрт туй сэтчѹ!* (Юшков 1981: 74). 'Вот тебе и Воркута, вот тебе и железная дорога туда!', кз. *вот тэныд*, удм. *тани тыныд* 'вот тебе'.

При элиминации дативной словоформы не нарушается ни структура, ни смысл конструкции, происходит лишь снятие эффектной окраски высказывания. Например, кз. *Кутшѹм мем узьѹм, кокъяс юкалѹны* (Юхнин 1983: 68). 'Какой мне сон, ноги

ноют', *кутиём узьём...* 'какой сон...'. Первое предложение характеризуется большей подчеркнутостью, эмоциональной окрашенностью в отличие от второго.

12. Смежная принадлежность. Содержит указание на лицо, которому кто-то кем-то приходится, является при выражении родственных, приятельских, социальных отношений. Значение реализуется на уровне предложения, где в качестве предиката выступает номинативная или инструментальная словоформа с глаголами бытия. Например, кз. *Од сійо Борислы абу друг, абу и фельдшер* (Юхнин 1983: 62). 'Ведь он Борису не друг и не фельдшер', кз. *сійо меным племянник лоё, удм. со мыным племянник луэ* 'он мне приходится племянником'.

В данных конструкциях возможна трансформация датива в генитив, что обусловлено функциональным соответствием первого второму. Однако, датив имеет оттенок предназначенности, назначения. Ср. кз. *Люба лоис Прокопейлён готырён* (Юхнин 1983: 131) 'Люба стала женой Прокопея' и *Абу ёмой ме тэныё бать?* (Юхнин 1983: 52) 'Разве я тебе не отец?' Генитив проявляет отношения собственной принадлежности, тогда как датив реализует принадлежность в синкретизме со значением предназначения.

В диахронии к данному типу следует отнести также следующие семантико-синтаксические функции:

1. Время действия. На синхронном уровне значение проявляет датив удмуртского языка. Сохранение темпорального значения датива в коми языке можно предусмотреть в послелого *кежлө* 'к, на', окончание *-лө* которого, по мнению Т. Уотилы [Uotila 1936: 470] и К. Редей [Rédei 1961: 161], генетически связано с л-овыми падежными суффиксами.

Датив реализует две разновидности темпорального значения:

1.1. Первый тип содержит указание на границу периода времени, предшествующую осуществлению действия. Например, удм. *Со дырлы пиез но будыны вуэм* (ГСУЯ, 98), ср. кз. *Сійо кад кежлө пиыс удитёма нин быдмыны* 'К этому времени и сын его успел вырасти'.

1.2. Второй тип указывает на промежуток времени как на определенный срок действия. Выделяются две разновидности:

а) срок рассчитанности в протекании действия: удм. *Бригадир быдэс арнялы задание сётйз* (ГСУЯ, 98), ср. кз. *Бригадир*

быдса вежон кезлѝ сетіс задание 'Бригадир дал задание на всю неделю'. В данном случае в значении срока содержится оттенок, указывающий, что действие рассчитано на определенный срок или пришло в исполнение на определенный срок.

Указанное значение следует выделить и у суффикса *-лы* в послелого *ѝожелы* удмуртского языка: *Бригадир Берестов висъсны кутскиз но толэзь ѝожелы* *Ессентукие санаторие мынӝ* 'Бригадир Берестов заболел и на целый месяц уехал в санаторий в Ессентуки' [Перовошиков 1980: 76];

б) срок исполнения действия без оттенка рассчитанности к протеканию действия на разные сроки. Значение реализуется только в удмуртском языке. Например: *Спидометрлэн стрелкаез "40" шорын сзъясъке. Часлы 40 ӝськем!* 'Стрелка спидометра показывает "40". За час 40 километров!' (ГСУЯ, 98).

Соответствием в коми языках выступает инструментальная словоформа: кп. *уджсӧ вӧчны отӧк лунӧн*, кз. *уджсӧ вӧчны оти лунӧн* 'сделать работу за один день'.

Сюда же относим употребление датива с послелогом *быдэ* 'каждый, еже-' в удмуртском языке. Общим значением конструкции является указание на повторяемость во времени действия, обозначенного глаголом [Перовошиков 1980: 78]. В качестве зависимого члена конструкции могут употребляться имена, указывающие на различный период времени, а также отглагольные существительные: *Бригадаосыс ужасъёс нормаоссэс нуналлы быдэ мултэсэн быдэсьяло* 'Рабочие бригады каждый день [ежедневно] перевыполняют нормы', *Василий Артемьевич городэ ветлӝмлы быдэ Лизалы но Яшалы кыӝе ке но кузьымъёс вае* 'Василий Артемьевич при каждой поездке в город привозит Лизе и Яше какие-нибудь подарки'. В обоих случаях словоформа указывает на определенный период времени: в первом предложении он ограничивается словом временной характеристики *нунал* 'день', во втором предложении действие воспринимается как определенный период времени для совершения другого действия. Повторяемость во времени придается послелогом.

2. Объект достижения. Содержит указание на предмет, на овладение которым активно направлено действие. Значение проявляет датив удмуртского языка. Например, *киужлы дышетыны* 'научить рукоделию', *умой сямъёслы дышетыны* 'воспитывать хорошие навыки' (УРС, 133). Датив в указанном значении зафик-

сирован в древнекоми письменных памятниках: ... *лунтыр велэткины веськыдлы тэнад* '... целый день учиться правде твоей', что З. И. Кузнецова [1967: 115, 133] объясняет дословным переводом с церковнославянского языка, ибо в современном коми языке глагол *велодчыны* 'учиться, научиться' управляет иллативом: *велодчыны грамотао* 'научиться грамоте'. Однако в данной позиции возможно также употребление послеложной конструкции с *вылӧ* с первичным внешнеместным значением: *бур вылӧ велодны* 'учить добру, учить уму-разуму'. Поэтому не исключается наличие данного типа датива в прапермском языке.

3. Объект причины. Содержит указание на предмет, признак, действие и т. п., являющиеся причиной, основанием какого-то действия, состояния, признака. Значение проявляется в удмуртском языке и в некоторых говорах коми-пермяцкого языка. Например, удм. *tau gine, d'žet's šid-ñañedli* 'Спасибо за хорошее угощение' [Емельянов 1927: 140], кп. пукс. *sia жарыслӧ* (куд. *жарсяняс*) *гагыс сёйӧ* 'из-за жары червь съедает', в.-л. *не ӧтік ныян тшыглӧ* (куд. *тшыгсянь*) *эз кул* 'ни один ребенок от голода не умер' (КПД, 147). В современном удмуртском языке датив причины выделяют также в сочетании с деепричастием *чидатэк* 'не выдержав, не вытерпев': *лек тӧллы чидатэк, пистуос зол куашето, куд-огез соос музъемез зуркатыса пограло* 'От сильного ветра (букв. 'не выдержав сильному ветру') шумят деревья, отдельные из них падают, потрясая землю' (ГСУЯ, 99).

В удмуртских диалектах имеет место комплексное выражение причинности, которое заключается в осложнении дативной словоформы каузальным послелогом, напр. кукм. *lusa* 'из-за, ради', ср. вост. *lujsa* 'из-за': *tenəd lusa* 'из-за тебя', *zorlə lusa* 'из-за дождя' Кельмаков 1969: 466, 473; Бушмакин 1971: 159].

В коми-зырянском языке причинное значение маркер датива обнаруживает в единичном примере *тшыглы* 'с голоду, от голода'. Например: *А тэ нӧ кувны воин? А бурджык нин пулясьыс, тшыглы дорысь* (Юшков 1979: 114) 'А ты что, умирать приехал? А лучше от пуля, чем от голода'.

4. Объект цели действия. Содержит указание на предмет или лицо, являющиеся объектом устремления, цели, достижения чего-либо. Значение проявляется в удмуртском языке, а также в большинстве южных говоров коми-пермяцкого языка. Например, удм. *няньлы магазинэ мыныны* 'сходить в магазин за хлебом'

(ГСУЯ, 99), кп. акс. *няньвѣ мунис* 'он ушел за хлебом'; в.-и. *корѡсьвѣ кыкисъ вѣтви* 'за вениками два раза ходил' (КПД, 149). Функциональным соответствием в коми-зырянском и в северных говорах коми-пермяцкого языка является конзекутив финальности: кз. *мунны вала* 'идти за водой'; кп. сев. коч. *мунны пєсла* 'идти за дровами' (КПД, 149).

Ко второму типу семантико-синтаксических функций относятся функции, встречающиеся в одном из пермских языков:

1. Адресат каузируемого действия. Содержит указание на лицо, являющееся непосредственным исполнителем действия направленного, назначенного каузатором. Значение реализуется в коми языке при глаголах волеизъявления типа *тиѡктыны* 'велеть, приказывать, заставлять', *прикажситны* 'приказать'. Наличие датива при данных глаголах может быть объяснено близостью их семантики к глаголам речи (приказать кому-то – сказать кому-то, что-то сделать). Например, кз. *Борис... тиѡктис налы мысьсыны* (Юхнин 1983: 24)/ 'Борис... велел им умыться', кп. *Нылкаыслѣ ошйт чѡктас узалны* 'Медведь велел девушке работать' [Лыткин 1955: 40].

Сюда же следует отнести употребление датива при двуобъектных понудительных глаголах, производных от переходных, с суффиксом -ѡд: скр. *Пальтоѡс вурѡди Ѧньѡ Тамаралы* 3. 'Пальто я пошла у Тамары Андреевны' (ПСД, 64), сс. *Ме пуртсѡ дорѡда кузнечлы* В. 'Нож сковать дам кузнецу' (ССД, 34).

В удмуртском языке объект каузации оформляется аккузативом: *Дышетисъ дышетскисъѣсты сочинение гожтытисъ* 'Учитель заставил учеников написать сочинение' (ГСУЯ, 228). В отдельных коми-зырянских диалектах в понудительных конструкциях выступают инструменталь и комитатив, употребление которых имеет свои семантические основы. В первом случае исполнитель действия как бы приравнивается к средству исполнения, во втором случае результат действия с точки зрения субъекта представляется как соединение действия и реального исполнителя. Например, лл. *Письмѡсѣ йѡзѡн* (лит. *йѡзлы*) *гижѡди* Ч. 'Письмо написала с помощью людей' (Жилина 84), скр. *Тайѡ джодж-дѡрасѡ Карпѡ Аннакѡд* (лит. *Анналы*) *кыѡдли* В. 'Этот половик соткала Анна Карповна' (ПСД, 66).

2. Объект превращения. Содержит указание на предмет, во что превращается другой предмет. Значение реализуется только в

удмуртском языке при глаголах со значением превращения, преобразования типа *пӧрмытыны* 'превратить, образовать'. Например: *Латвиын ожъёс дыръя Семонлэсь машиназэ тушмон самолётъёс шелеплы пӧрмытӥзы* 'Во время боев в Латвии вражеские самолеты машину Семёна превратили в щепки'. *Табере етӥн кык поллы будоно ке, со не шутка. Сое чылкыт мертчанлы пӧрмытоно* 'Если лен теперь увеличится в два раза, то это не шутка. Его следует перерабатывать в чистое волокно' (ГСУЯ, 99).

Соответствием данному типу датива в обоих коми языках выступает иллатив. Например, кз. *ва пӧрӧ руӧ*, кп. *ва пӧртчӧ парӧ* 'вода превращается в пар'. Наличие иллатива в указанной позиции обнаруживается и в удмуртском языке: *паре берыктыны* 'превратить в пар'.

3. Объект цели, способа деления. Содержит указание на предмет, являющийся мерой, способом и целью деления, дробления. Значение реализуется в удмуртском языке при глаголах с общей семой деления *люкыны* 'делить, разбить, разделять, разбивать'; *люкылыны*, *пильыны* 'колоть, распиливать'; *пильылыны* 'раскалывать, распиливать'. Например: *гурт кык л'укэтлы л'укэмын вылэм...* 'деревня, оказывается, была разделена на две части...' (ОУР, 158); *яблокез куинь люкетлы (пилетлы) люкыны* 'делить яблоко на три части'; *сюэз витылы люкыны* 'разделить сто на пять' (РУС, 1214, 899).

В коми языках данному типу датива соответствует послеположная конструкция с *вылӧ* 'на,' или *пельӧ* 'на': кз. кп. *бригада юксис кык группа вылӧ* 'бригада разделилась на две группы', кз. *дас юксӧ вит пельӧ* 'десять делится на пять'.

4. Объект меры стоимости. Содержит указание на предмет, являющийся мерой, количеством, определяющим границы другого предмета. Значение проявляется в удмуртском языке при глаголах, выражающих обменные отношения типа *басьтыны* 'взять, купить': *дас манетлы басьтыны* 'купить на десять рублей' (РУС, 470). В данной позиции в коми языках выступает послеположная конструкция с *вылӧ* 'на': кз. *тайӧс деньга вылӧ он ньӧб* 'такое на деньги не купишь', кп. *ви босьтны деньга вылӧ* 'купить масло на деньги' [КПРС, 92].

5. Объект количественной разницы. Содержит указание на предмет в широком смысле слова, выражающий количественную разницу, степень превосходства или недостатка. Значение реали-

зуется в удмуртском языке при глаголах, обозначающих повышение, ограничение, недостижение какой-нибудь нормы. Например: *Табере етйн кык поллы будоно ке...* 'Если лен теперь увеличится в два раза...' (ГСУЯ, 99), а также в конструкциях типа *Ошибкауз вить копейкалы* 'Ошибка в пяти копейках' (РУС, 72). Указанные отношения в удмуртском языке могут выражаться и послеложными конструкциями, как в коми языках. Например, удм. *парк кык пол паськытаз* 'территория парка увеличилась в два раза' (РУС, 1142), кз. *кык пӧв унджык* 'в два раза больше, вдвое больше'.

Функции, встречающиеся лишь в отдельных диалектах или в группе диалектов:

1. Обладатель собственной принадлежности. Содержит указание на лицо, являющееся обладателем предмета в широком смысле. Функционально соответствует приименному генитиву. Значение реализуется в лузско-летском и удорском диалектах коми-зырянского языка. Сфера сочетаемости датива ограничивается личными и усилительно-личными местоимениями. Например, лл. *Мэ Лубаӧс л'убита, аслым мон'ӧс Ч.* 'Я люблю Любу, свою невестку'; *Пи соб олӧ, аслыс керкаын Ч.* 'Сын живет отдельно, в своем доме' (ЛЛД, 70), удм. *te olan asliḍ kerkaḡin Ud.* 'du wohnst in deinem eigenen Zimmer' (Fokos-Fuchs 43).

Представляется возможным выделить датив в значении собственной принадлежности и в первых компонентах сложных слов типа *аслыснога* 'своеобразный', *аслыспӧлӧс* 'своеобразный', *аслысруа* 'своенравный', *аслысскикас* 'своеобразный', *аслыссама* 'своеобразный, своенравный', *аслысныра* 'своенравный, с норовом' (ССКЗД, 14). А. С. Сидоровым [1950: 398] они рассматриваются как субъект внутреннего состояния, но вернее было бы квалифицировать как обладатель признака, свойства, качества.

Большая часть данных слов имеет варианты, в качестве первого компонента которых выступает притяжательное местоимение *ас*: *асныра* 'своенравный, с норовом', *асруа* 'своенравный', *ассяма* 'тж'. Такие образования отмечаются и в коми-пермяцком языке: *асныра* 'своенравный, упрямый, своевольный', *ассяма* 'своеобразный', *аскоддя* 'своенравный, упрямый' [КПРС, 20]. В верхнесысольском и ижемском диалектах коми-зырянского языка в качестве первого компонента параллельно может выступать также усилительно-личное местоимение в номинативе: иж. *ачыспӧлӧс*, вс. *ачыскодьныра*, *ачысскикас* 'своеобразный', иж. *ачысныра*, вс. *ачыскодьныра* 'своенравный' (ССКЗД, 14).

Наличие указанных синонимов может быть некоторым подтверждением того, что при их образовании первый компонент употреблялся в значении принадлежности.

2. Обладатель отчуждаемой принадлежности. Содержит указание на лицо, от которого отчуждается, отнимается предмет в широком смысле. Датив данного типа функционально соответствует аблативу. Отдельные примеры зафиксированы в памятниках XVIII в. Например: *лосяломо и любовсо быдѣ мирлы мезослы корамъ* 'мир и любовь всем мирам (людям) у господа просим', *ми бостим...* *Христослы гусяко* 'мы взяли у Христа тайну'. 3. И. Кузнецова [1967: 76, 85, 107, 115, 130], ориентируясь на другие списки и смысл конструкции, восстанавливает в данных случаях аблатив (*мезѡслысь Христослысь*).

Следует отметить, что употребление датива при глаголах отнимания наблюдается в старославянском, древнерусском, а также в некоторых современных славянских языках. Например, укр. *одним людям щасте береги, а другим даруеш* [Правдин 1956: 52]. Отсюда употребление датива в аблативной функции в памятниках древнекоми письменности XVIII в., видимо, объясняется дословным переводом со старославянского языка.

На синхронном уровне употребление датива со значением отчуждаемой принадлежности отмечается в читаевском говоре лузско-летского диалекта коми языка в сфере усилительно-личных местоимений, которые функционируют параллельно с аблативными формами. Например: *Менсьым быттор корѡ, а аслыс небось оз сет* 'у меня все просит, а своего небось не отдает', *босьтѡмны, аслым эз и юавны* 'взяли (что-то), меня самого и не спросили' (Жилина 139).

Проявление данной разновидности датива в древнерусском языке А. Б. Правдин [1956: 52] связывает с дательным адресата предоставления, но не раскрывает процесс становления и семантические точки их соприкосновения. В действительности языковые элементы вследствие асимметрии плана выражения и плана содержания могут приобретать новые, вторичные функции, в том числе имеет место нейтрализация форм и использование языкового элемента в значении своего противочлена по парадигме (явление транспозиции) [Гак 1985: 13–14]. Однако вряд ли можно вывести значение отчуждения непосредственно из значения адресата. Представляется более реальным его образование на основе

притяжательного значения, которое могла реализовать дативная словоформа при прямом объекте в позиции с глаголами отчуждения. Показателен в этом отношении пример, данный в работе А. С. Сидорова [1950: 390]: *Ставсё тёдны вёлі колё: коді бур да коді лёк, коді дядьлы юрсё вундіс, кодлы синсё перйис вок* 'Все нужно было знать: кто хорош и кто плох, кто у дяди (дяде) голову снял, у кого (кому) его брат выколол глаз'. В данном предложении словоформа *дядьлы* может иметь двоякую интерпретацию: как лицо, от которого отчуждается предмет, и как лицо, которому принадлежал отчуждаемый предмет. То же самое можно сказать в отношении другой дативной словоформы. При этом вторая интерпретация легко выводится из значения адресата предназначённости. Поэтому процесс становления значения отчуждения можно представить как постепенное развитие значений: значение адресата предназначённости (А) → значение смежной принадлежности (→ собственной принадлежности) (Б) → значение отчуждаемой принадлежности (В). Отсюда употреблению языкового элемента в функции противочлена, по-видимому, предшествует семантическая нейтрализация: если А характеризуется знаком (+), В – (–), то признаком Б выступают (+ –). Таким образом, значения А, Б и В, реализуемые в определенных позициях дативными формами усилительно-личных местоимений в лузско-летском диалекте коми-зырянского языка, можно объяснить как следствие отдельных этапов проявления функциональной транспозиции.

3. Значение выделительности, определенности. Сюда включаем использование маркера *-лы (-лө)* в качестве оформителя грамматического субъекта и прямого объекта, что проявляется в верхневымских говорах вымского диалекта: *Бёрті кыытім Весляналы коли* 'Потом поплыли мы, Весляна осталась позади', в ижемском диалекте: *Тамаралы кучас вэлэч'чыны* 'Тамара будет учиться', в летском говоре лузско-летского диалекта: *Тепысьлө неладнө лёдма, косялі да выльпөл кыи* Сл. 'Рукавицы были связаны неправильно, я распустила и снова связала', в удорском диалекте коми-зырянского языка: *Шыдлы виим паччас Разг.* 'Суп есть в печке' [Фролова 1950: 120, Сорвачева 1972: 274, Жилина 1975: 82, ИД, 47]. В приведенных примерах словоформа на *-лы (-лө)* является независимой в предложении, так как сказуемое координируется с ней в числе и лице. По мнению Р. Бейкера [Baker 1985: 214], окончание *-лы (-лө)* при субъекте служит для подчер-

кивания темы высказывания и обнаруживает семантическую связь с формально идентичным маркером прямого объекта. Последний имеет более широкое распространение: кроме названных диалектов, встречается также в северных говорах, за исключением мысовского и верх-лупьинского говоров, коми-пермяцкого языка: кп. *Воньтлӧ эн жӧ деньгалӧ сет?* 'Брату своему ведь деньги не отдал же?' (КПД, 141), вым. *Черилы ме сэсса и кати дедлы* 'Рыбу я потом и деду отнес', иж. *Иванлы вайисны госуудар дорэ* 'Ивана привезли к государю'. В данной позиции маркер *-лы* (*-лӧ*) выступает в выделительной, а в лузско-летском диалекте также в притяжательной функции, возникшей на основе выделительности. Таким образом, маркеры *-лы* (*-лӧ*) при субъекте в прямом объекте реализует значение выделительности, некоторой конкретности.

Функциональное сопоставление дативов двух близкородственных языков показало отсутствие полной идентичности их семантических структур. Однако большинство семантико-синтаксических функций являются общими. На данном уровне исследования их число составляет 16, из них 4 значения выделены на основе диахронного анализа. Следует отметить широту семантического объема удмуртского датива по сравнению с коми дативом. В случае функциональных расхождений соответствием дативу в одном из языков или в диалектах выступают грамматические единицы лативного и нелативного характера. Представляется, что значения, реализуемые единицами первого типа (иллатив, послелог *вылӧ*), являются в некотором отношении типологическими для языковых средств лативного характера. Что касается значений, имеющих соответствия второго типа, то также возможно их развитие на собственной семантической структуре датива в результате функциональных транспозиций. Выражение значения адресата каузируемого действия аккузативом в удмуртском языке объясняется одной из особенностей уральского праязыка.

Можно предположить, что падежные единицы, имеющие одинаковую примарную функцию, могут развить разное количество вторичных функций. Однако в плане содержания большинство из них будет типологическим для грамматических единиц с первичным лативным значением. Потенциальная возможность проявления сходных значений, видимо, должна существовать у каждого из генетически родственных единиц, но их действитель-

ная реализация зависит от потребностей и системы грамматических средств каждого конкретного языка в отдельности. Общность большинства семантико-синтаксических функций пермского датива свидетельствует о его полифункциональности уже в прапермский период. К этому же времени относится возникновение и функциональное развитие послелогов [Майтинская 1982: 62], а также дальнейшее семантическое развитие других падежных форм, что, видимо, привело к процессу распределения функций и изменению семантического диапазона грамматических единиц, проявляющих функциональное сходство. Следует принять во внимание также предположение Р. Бейкера [Baker 119–124] о проявлении в парадигме склонения существительных категории одушевленности/неодушевленности в определенный период развития коми языка. Возможно, что именно это грамматическое явление послужило причиной разделения прапермского аллатива на два самостоятельных падежа: датив и конзекутив (последний образовался на базе значений причины и цели), а также дистрибутивного распределения семантически близких грамматических единиц в зависимости от одушевленности/неодушевленности референта. Наметилась тенденция употребления датива преимущественно с одушевленными существительными, иллатива и послелогов лативного характера — с неодушевленными существительными. Ср. кз. *челядылы книга*, удм. *пиналъёслы книга* 'книга для детей', кз. *пальто выль материал*, удм. *пальтолы материал* 'материал на пальто', кз. *инмодчыны муь, но мамлы* 'коснуться земли, матери'. Некоторые изменения в семантике датива в коми языке можно объяснить также влиянием русского языка на грамматическую систему коми языка.

Условные сокращения:

а) языков и диалектов:

акс. — аксеновский говор южного наречия коми-пермяцкого языка; *вв.* — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; *в.и.* — верхиньвенский говор южного наречия коми-пермяцкого языка; *в.-л.* — верхлупьинский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка; *вс.* — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка; *вым.* — вымский диалект коми-зырянского языка; *иж.* — ижемский диалект коми-зырянского языка; *кз.* — коми-зырянский язык; *кп.* — коми-пермяцкий язык; *куд.* — кудымкарский говор южного наречия коми-пермяцкого языка; *кукм.* — кукморский диалект удмуртского языка; *лз.* — лузско-летский диалект

коми-зырянского языка; *нв.* — нижневыходский диалект коми-зырянского языка; *печ.* — печорский диалект коми-зырянского языка; *пукс.* — пуксибский говор северного наречия коми-пермяцкого языка; *сев.коч.* — кочевский говор северного наречия коми-пермяцкого языка; *скр.* — присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; *сс.* — среднесысольский диалект коми-зырянского языка; *ср.-вост.* — средневосточные говоры удмуртского языка; *уд.* — удорский диалект коми-зырянского языка; *удм.* — удмуртский язык; *укр.* — украинский язык; *ф.-у.* — финно-угорские языки;

б) населенных пунктов:

В. — с. Визинга; *З.* — с. Зеленец; *Разг.* — с. Разгорт; *С.* — с. Слудка; *Т.* — д. Тентюково; *Шам.* — д. Шамардан; *Шош.* — с. Шошка Сыктывдинского района; *Ч.* — с. Читаево.

Источники

ВК — “Войвыв кодзув”, журнал. Сыктывкар.

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. Научный отчет. Сыктывкар, 1975. (Архив Коми филиала АН СССР, ф.5, оп.2, ед.хр.143).

ИД — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Коми м. — Коми мойдъяс, сыланкывъяс да пословицаяс. Сыктывкар, 1956.

КПД — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КПЯ — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962.

Куратова Н. Боббнянь кӧр. Сыктывкар, 1983.

ЛЛД — *Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. М., 1955.

ОУР — *Кельмаков В.К.* Образцы удмуртской речи. Ижевск, 1981.

П. гор — Парма гор. Литературно-художественный гижӧд чукӧр. Сыктывкар, 1984.

ПД — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.* Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

ПДС — *Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

Пыстин И. Бӧрйӧм гижӧдъяс. Сыктывкар, 1966.

РУС — Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

СС – Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесыольский диалект коми языка. М., 1980.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Тар – Тарабукин И. И. Краткий коми-русский фразеологический словарь. Сыктывкар, 1959.

Торопов И. Арся сыланкыв. Сыктывкар, 1976.

Торопов И. Тян. Сыктывкар, 1982.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

Юхнин В. Алёй лента. Сыктывкар, 1955.

Юхнин В. Дингёльса вөрпункт. Сыктывкар, 1983.

Юшков Г. Ловъя лов. Сыктывкар, 1979.

Юшков Г. Чугра. Сыктывкар, 1981.

Fokos-Fuchs. Syrjänisches Wörterbuch I,II. Budapest. Akadémiai Kiadó. 1959.

Библиографический список

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск–Москва, 1971.

Гак Г.В. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука. 1985. С. 5–15.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Кузнецова З. И. Язык письменных коми памятников 18 в. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1964.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.

Некрасова Г. А. Аллатив места в пермских языках // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 108–113.

Перевоищikov П. Н. Глагольные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск, 1980. С. 38–129.

Правдин А. Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения. т. XIII. М., 1956. С. 3–120.

Прокушева Т. И. Инфинитив в коми языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1981.

Сидоров А. С. Синтаксис коми языка: Научный отчет. (Архив Коми филиала АН СССР. Ф. I, оп. II, ед. хр. 134). Сыктывкар, 1950.

Сорвачева В. А. Удорский диалект коми языка: Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969–1972. (Архив Коми филиала АН СССР. Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 92). Сыктывкар, 1972.

Фролова Т. И. Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1950.

Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki 1985. (MSFOu 189).

Redei K. Die Postpositionen im Syrjanischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest, 1962.

Uotila T. E. Zur Deklination der Personal pronomina in den permischen Sprachen // NyK. 1936. № 1–3 (50). 464–476 old.